

Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования Гражданского Кодекса Российской Федерации

О.В. Гутников

заместитель заведующего отделом гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук. Адрес: 117 218, Российская Федерация, Москва, Большая Черемушkinsкая ул., 34. E-mail: oleg_gutnikov@mail.ru

---

Аннотация

В результате реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации правила о недействительных сделках существенным образом изменились. При этом новое правовое регулирование не вполне отражает идеи, которые выдвигались при разработке Концепции развития гражданского законодательства. В статье содержится анализ основных изменений правового регулирования недействительности сделок и оценка результатов реформирования Гражданского Кодекса Российской Федерации. Делается вывод о противоречивости и незавершенности новых правил, которые, с одной стороны, сближают правовые режимы ничтожных и оспоримых сделок, а, с другой стороны, сохраняют их законодательную дифференциацию. Сохранение деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые при унификации их правовых режимов порождает дополнительные проблемы их квалификации и влечет расширение возможностей для признания сделок недействительными, что не соответствует целям реформы. Новые общие нормы о недействительности сделок содержат в себе огромный негативный потенциал, использование которого недобросовестными лицами может подорвать стабильность гражданского оборота в еще большей степени, чем это было в дореформенный период. В частности, увеличено количество видов ничтожных сделок; чрезмерно широко трактуется понятие сделок, нарушающих публичный интерес; требование о признании недействительными оспоримых сделок может заявить любая сторона сделки в связи с нарушением любых требований закона и т.д. В статье предлагается отказаться от законодательного деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, установить единый правовой режим для всех недействительных сделок (и ничтожных, и оспоримых, и несостоявшихся), основанный на презумпции действительности любой совершенной сделки, вытекающей из презумпции добросовестности и разумности любых действий участников гражданского оборота. Презумпция действительности любой сделки может быть опровергнута только в судебном порядке. Правовой режим оспаривания сделок необходимо дифференцировать не по видам их недействительности, а в зависимости от особенностей состава тех или иных недействительных сделок.

Ключевые слова

реформа Гражданского кодекса Российской Федерации, сделки, договоры, недействительность сделок, ничтожность, оспоримость, публичные интересы, презумпция действительности.

Библиографическое описание: Гутников О.В. Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 48–67.

JEL: K12; УДК: 347

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.48.67

Основные идеи о реформировании недействительных сделок при разработке Концепции развития гражданского законодательства

Указом Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — ГК РФ) начата реформа гражданского законодательства, продолжающаяся до настоящего времени. Важное место в реформе занимал вопрос о недействительных сделках. Несовершенство законодательного регулирования и состояние судебной практики в сфере признания сделок недействительными давало возможность недобросовестным лицам оспаривать в суде практически любую сделку. Поэтому усилия рабочей группы при работе над Концепцией развития гражданского законодательства (далее — Концепция)¹ были направлены на минимизацию правовых возможностей оспаривания сделок.

Для этого обсуждалось несколько концептуальных идей:

1) полный отказ от деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые и установление в законе презумпции действительности любой сделки, которая может быть опровергнута только в судебном порядке²;

2) сближение правовых режимов ничтожных и оспоримых сделок при отказе от нормативного закрепления их дефиниций³;

3) сохранение нормативного определения ничтожных и оспоримых сделок при определенном сближении их правовых режимов⁴;

4) установление более строгих требований к основанию признания недействительными ничтожных сделок: вместо несоответствия сделки закону предлагалось установить, что ничтожная сделка должна либо нарушать прямо выраженный в законе запрет, либо о недействительности такой сделки должно быть прямо указано в законе⁵;

5) «переворот» презумпции ничтожности любой незаконной сделки на презумпцию ее оспоримости⁶;

6) ограничение возможности применения положений о недействительности сделок к договорам: общие положения недействительности предлагалось применять к договорным отношениям лишь в субсидиарном порядке, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров⁷.

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М., 2009.

² Данная идея в ГК не получила закрепления.

³ Данная идея в ГК также «не прошла».

⁴ Данная идея была в основном воспринята при разработке поправок в ГК и получила закрепление в действующей редакции Кодекса.

⁵ Данная идея не была воспринята при разработке поправок в ГК.

⁶ Данная идея получила закрепление в новой редакции ст. 168 ГК.

⁷ Данное правило вошло в п. 1 ст. 431.1 ГК.

Предлагалось еще несколько новелл, которые затруднили бы возможность оспаривать сделку. Среди них были следующие:

1) введение правила «эстоппель», запрещающего ссылаться на недействительность сделки недобросовестной стороне, которая предшествующим поведением давала основания другой стороне полагаться на действительность сделки⁸;

2) введение правила о последующем одобрении (подтверждении) оспоримых сделок, исключающем возможность таких лиц оспаривать сделку после такого одобрения (подтверждения)⁹;

3) запрет оспаривать полностью или частично исполненную сделку стороной, которая приняла исполнение по такой сделке, а сама при этом полностью или частично не исполнила своих обязательств¹⁰;

4) закрепление в законе общего правила, что оспоримая сделка может быть признана недействительной лишь если она нарушает права и законные интересы лиц, имеющих право ее оспаривать¹¹;

5) запрет суду по собственной инициативе применять последствия ничтожной сделки, кроме случаев, когда это необходимо для защиты публичных интересов¹²;

6) запрет на предъявление исков о признании недействительными исполненных сделок без одновременного предъявления требования о применении последствий недействительности таких сделок¹³;

7) введение в ГК РФ правил о судебной санации (оздоровлении) недействительных сделок (и ничтожных, и оспоримых) в случаях, предусмотренных законом, когда в целях обеспечения стабильности гражданского оборота суд может оставить недействительную сделку в силе¹⁴.

В частности, предлагалось сохранять силу сделок, которые без ущерба для прав и законных интересов сторон могут быть переквалифицированы на иной вид сделки, если есть основания предполагать, что другая сделка отвечала бы воле сторон, если бы им было известно о недействительности первой сделки. Также санировать предполагалось сделки, если требование об их недействительности можно квалифицировать как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) в отношении сторон сделки или третьих лиц, а также сделки, признание недействительности которых является бессмысленным в силу того, что такое признание не приведет к защите чьих-либо нарушенных прав или законных интересов.

8) введение в ГК РФ правила о возложении на недобросовестную сторону недействительной сделки обязанности возмещать другой стороне в полном объеме убытки, связанные с недействительностью сделки, исходя из представлений о недействительной сделке как о правонарушении (деликте)¹⁵.

⁸ Правило включено в п. 5 ст. 166 ГК РФ.

⁹ Правило включено в абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, однако в уточненном виде: «Сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли».

¹⁰ Правило включено в п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, однако применительно не ко всем сделкам, а лишь к предпринимательским договорам.

¹¹ Правило включено в абз. 2 п. 2 ст. 166 ГК РФ.

¹² Соответствующее правило вошло в п. 4 ст. 166 ГК РФ.

¹³ Данное предложение в ГК РФ не вошло.

¹⁴ Правила о судебной санации недействительных сделок в ГК РФ не вошли.

¹⁵ Данное правило в ГК РФ также не вошло, поскольку возобладал подход, согласно которому совершение недействительной сделки само по себе гражданским деликтом не является.

Общие результаты реформирования положений ГК РФ о недействительных сделках

Положения ГК РФ о недействительных сделках в ходе реформы были изменены двумя законодательными актами: Федеральным законом от 7.05. 2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского Кодекса Российской Федерации»¹⁶ (которым п. 2 гл. 9 ГК по сути был изложен в новой редакции), а также Федеральным законом от 8.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского Кодекса Российской Федерации»¹⁷ (которым в ГК была добавлена новая статья 431.1 о недействительности договоров).

Общий итог этих законодательных изменений — *действующий ГК РФ в результате реформы лишь частично реализовал концептуальные идеи, которые обсуждались изначально*. С одной стороны, ГК РФ действительно затруднил оспаривание сделок по отдельным основаниям, а с другой — расширил возможности оспаривания недействительных сделок в целом.

Тем самым реформа о недействительности сделок оказалась незавершенной, а новые положения ГК РФ — внутренне противоречивыми и представляющими потенциальную опасность для стабильности гражданского оборота.

В результате реформы создалась лишь внешняя видимость затруднения оспаривания недействительных сделок. Хотя новая редакция ГК РФ исходит из презумпции оспоримости недействительных сделок и во многом сближает правовые режимы ничтожности и оспоримости, *в целом ГК РФ не решил множества важнейших проблем, необходимых для затруднения оспаривания сделок и укрепления стабильности гражданского оборота. Возможностей признания сделок недействительными стало гораздо больше, чем раньше.*

Более того, действующий ГК РФ ввел размытые критерии ничтожных и оспоримых сделок и породил дополнительные трудности их разграничения, а, кроме того, по существу расширил возможности признания сделок недействительными, что идет вразрез с целями реформы. В прежней редакции ГК РФ разграничение ничтожных и оспоримых сделок проводилось довольно ясно: сделка, не соответствующая требованиям закона, ничтожна, если *закон не устанавливает*, что такая сделка оспорима. То есть исключения из общего правила должны быть *прямо установлены законом*.

После внесения в ГК РФ изменений, по общему правилу, противозаконная сделка является оспоримой. При этом она определяется как *сделка, нарушающая требования закона* (п. 1 ст. 168 ГК РФ), что по существу тождественно понятию сделки, не соответствующей требованиям закона. Предложения Концепции о том, чтобы сделка нарушала явно выраженные в законе запреты, ГК РФ не воспринял. Это было сделано потому, что о запретах предлагалось говорить в отношении ничтожных сделок, чтобы минимизировать случаи признания сделок ничтожными. Однако поскольку презумпция поменялась — то в отношении оспоримых сделок решено, по сути, оставить прежнюю, смягченную формулировку.

Что в результате получилось? *ГК РФ и ничтожные сделки сохранил (и не только сохранил, но и увеличил число их разновидностей), и, кроме того, расширил возможности признания оспоримых сделок недействительными*. Если раньше оспоримыми

¹⁶ Вступил в силу 1.09. 2013.

¹⁷ Вступил в силу 1.06. 2015.

были сделки только по тем основаниям, которые прямо указаны в законе, и оспаривать их могли только лица, указанные в законе, теперь же оспоримой является любая сделка, нарушающая любые требования закона, а оспаривать ее могут не только лица, указанные в законе, но и любая сторона сделки (п. 1 ст. 166 ГК РФ)¹⁸. Таким образом, на основании новых норм ГК РФ любая сторона любой сделки, считающая, что сделка нарушает требования закона (даже несущественные), может оспорить эту сделку в суде, если докажет, что такой сделкой нарушены ее права или законные интересы, или что сделка повлекла иные неблагоприятные для нее последствия.

Одновременно сохранены и ничтожные сделки, но теперь их разновидностей так много, что новая презумпция «оспоримости» любой противозаконной сделки ставится под сомнение. Ничтожными являются все сделки, которые прямо названы таковыми в законе. С квалификацией этих сделок в качестве ничтожных проблем не возникает, как не возникало их и раньше. Например, мнимые или притворные сделки, перевод долга без согласия кредитора и т.д.

Но, кроме этого, появилась категория «новых» ничтожных сделок. Они также должны нарушать требования закона, а кроме этого, отвечать хотя бы одному из новых признаков: посягать на публичные интересы либо

посягать на права и охраняемые законом интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ).

При этом в законе есть оговорка, что даже если соблюдены эти признаки, сделка является ничтожной лишь если «из закона *не следует*, что такая сделка оспорима». Окончательное решение об оспоримости или ничтожности сделки будет принимать суд, руководствуясь при этом собственным пониманием, «следует» ли из закона оспоримость сделки, что само по себе является серьезной проблемой.

Квалификация недействительных сделок в качестве ничтожных или оспоримых: проблемы разграничения

В связи с сохранением в ГК РФ деления сделок на ничтожные и оспоримые вопрос об их разграничении стал еще более сложным, чем раньше. В первую очередь это свя-

---

¹⁸ В литературе есть суждения, что новая редакция п. 2 ст. 166 ГК РФ предполагает, что сторона сделки может оспаривать оспоримую сделку не во всех случаях, а лишь по общему правилу. Когда закон называет субъектов оспаривания, сторона оспоримой сделки уже не имеет права ее оспаривать. Так, А.С. Райников указывает, что «если бы законодатель имел в виду возможность аннулирования оспоримой сделки ее участниками во всех случаях, группы уполномоченных на оспаривание субъектов (стороны и иные лица) перечислялись бы в п. 2 ст. 166 ГК РФ с использованием соединительного союза «и», а не разделительного «или». Употребление последнего свидетельствует о том, что в некоторых ситуациях правом на оспаривание сделки могут наделяться не ее участники, а иные лица. См.: Райников А.С. Условия оспаривания сделки в контексте поправок в ГК РФ // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 121 (сноска). Однако с таким толкованием невозможно согласиться: если бы законодатель употребил соединительный союз «и» («требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено стороной сделки и иным лицом, указанным в законе»), то это привело бы к абсурдному результату: тогда требование о признании оспоримой сделки недействительной по буквальному толкованию должно заявляться одновременно двумя субъектами: стороной сделки и иным лицом, указанным в законе. Употребление разделительного союза «или», наоборот, подчеркивает, что соответствующее требование может быть предъявлено любым из указанных в законе лиц: или стороной сделки, или иным лицом, указанным в законе. Тот же результат толкования, к которому стремится прийти А.С. Райников, мог быть достигнут совершенно другим способом, а именно, прямым указанием, что сторона сделки может оспаривать сделку лишь в случаях, если иное не предусмотрено законом.

зано с появлением в законе новых видов ничтожных сделок, посягающих на публичные интересы либо на права и интересы третьих лиц. В связи с этим выделяется несколько проблем, нерешенность которых оставляет чрезвычайно широкий простор судебному усмотрению.

Первая проблема — неопределенность понятия публичных интересов, которое законодательно нигде не определено. Признание сделок ничтожными в связи с противоречием их публичным интересам представляет собой «каучуковую» норму, которая может трактоваться и как нарушение прав публично-правового образования (государства), и как нарушение иных (абсолютно любых) общественно значимых интересов.

В научной литературе есть предположения, что к публичным интересам можно относить интересы сообщества инвесторов — участников организованных торгов на фондовом рынке, желающих приобрести акции публичного акционерного общества, интересы сообщества потребителей, другие групповые интересы (дольщиков при строительстве многоквартирных домов, абонентов-потребителей электроэнергии, пассажиров по договору перевозки и т.д.)¹⁹. Более того, публичные интересы, по мнению В.С. Ема, могут объективироваться в частном интересе отдельного субъекта, деятельность которого имеет большой вес в экономике или в котором имеется значительная доля участия государства, либо этот субъект является государственным унитарным предприятием или государственным бюджетным или казенным учреждением²⁰. Эти и другие предложения чрезмерно расширяют трактовку понятия «публичные интересы» и поражают ничтожностью максимальный круг сделок, нарушающих те или иные интересы различных социальных групп или отдельных особо значимых в экономике субъектов. Вряд ли стоит доказывать, насколько опасен такой подход для стабильности гражданского оборота.

В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации был вынужден разъяснить понятие публичных интересов в целях признания сделок недействительными. Во-первых, он сразу отграничил понятие публичного интереса от интереса публично-правового образования, установив, что само по себе нарушение прав публично-правового образования не может свидетельствовать о нарушении публичных интересов. Это, безусловно, правильно, поскольку иначе был бы нарушен основополагающий принцип равенства участников гражданских правоотношений: государство ставилось бы в привилегированное положение по сравнению с остальными тем, что сделки, нарушающие права государства, поражались бы ничтожностью в отличие от сделок, нарушающих права других лиц²¹.

Во-вторых, был приведен перечень публичных интересов:

- 1) интересы неопределенного круга лиц;
- 2) безопасность жизни и здоровья граждан;
- 3) обеспечение обороны и безопасности государства;
- 4) обеспечение охраны окружающей природной среды²².

¹⁹ См.: Ем В.С. О критериях ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 147–148.

²⁰ Там же. С. 149–150.

²¹ См.: п. 75 постановления Пленума Верховного Суда России от 23.06. 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

²² Там же.

В-третьих, даже указанный перечень публичных интересов является открытым, что позволяет судам в каждом случае относить к публичным и любые иные интересы, имеющие по их мнению, особо важное значение.

Наконец, в-четвертых, к посягающим на публичные интересы отнесены сделки, нарушающие явно выраженный в законе запрет (например, страхование противоправных интересов). Иными словами, то, что при разработке Концепции вполне обоснованно предлагали считать главным и единственным критерием ничтожности сделки, в нормах обновленного ГК РФ, разъясненных Верховным Судом Российской Федерации, превратилось лишь в один из видов ничтожных сделок.

В результате понятие ничтожных сделок в действующем ГК РФ стало охватывать гораздо более широкий круг сделок, чем раньше, а вопросы, которые вынужден решать суд при их квалификации, теперь включают в себя не только определение того, соответствует ли сделка закону, но и посягает ли она на публичные интересы, а также, *не следует* ли из закона, что, несмотря на признаки ничтожности, сделка все же является оспоримой.

Кроме того, появление новой категории «ничтожных» сделок, посягающих на публичные интересы, мало согласуется с оставлением в ГК РФ статьи об антисоциальных сделках (совершенных с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169)). По существу, антисоциальные сделки и есть сделки, нарушающие публичные интересы в их широком понимании. Так, в разъяснениях Верховного Суда о квалификации сделок, противных основам правопорядка или нравственности, приведены примеры составов, представляющих собой нарушения тех или иных запретов, установленных законом (например, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте и т.д.)²³. Поэтому вопрос о практической целесообразности появления в ГК РФ новой категории ничтожных сделок, посягающих на публичные интересы, остается открытым.

Вторая проблема — квалификация сделок, посягающих на права и законные интересы третьих лиц. В силу закона они являются ничтожными (п. 2 ст. 168 ГК РФ), если из закона *не следует*, что такая сделка оспорима или применяются другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. Ярким примером «размытости» этого критерия является продажа чужой вещи без согласия собственника. Очевидно, что такая сделка нарушает права и законные интересы собственника вещи (третьего лица). На первый взгляд, она должна признаваться ничтожной, и так считают многие известные юристы²⁴.

Между тем продажа чужой вещи может считаться сделкой, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица (собственника), и рассматриваться как оспоримая (ст. 173.1 ГК РФ). Однако в случаях, указанных в законе, могут наступать иные последствия отсутствия согласия, например относительная недействительность сделки: в силу закона сделка «не влечет правовых последствий для лица, управомоченного давать согласие, при отсутствии такого согласия» (п. 1 ст. 171.1 ГК РФ). Продажа чужой вещи как раз подпадает под этот случай: сделка не влечет правовых последствий для собственника вещи, но для ее сторон сохраняет силу и в полной мере порождает соответствующие правовые последствия²⁵. Но в законе прямо об этом ничего не говорится, это «следует» из закона, а именно, из ст. 460–462 ГК РФ (правила об эвдикции).

²³ См.: Там же.

²⁴ См., напр.: *Скловский К.И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие и виды сделок. Недействительность сделок). М., 2015. С. 126; *Ем В.С.* Указ. соч. С. 153.

²⁵ См.: *Генкин Д.М.* Относительная недействительность сделок // *Юридический вестник.* 1913–1914. Кн. VII–VIII (III–IV). С. 215–250.

Таким образом, сделка по продаже чужой вещи вообще не является недействительной. Продавец обязан передать покупателю товар свободным от прав третьих лиц. При нарушении этой обязанности покупатель может требовать либо уменьшения цены, либо расторжения договора купли-продажи (но не признания его недействительным!). Если же товар будет изъят третьим лицом у покупателя по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи, продавец обязан возместить покупателю причиненные убытки (п. 1 ст. 461 ГК РФ). Верховный Суд России эту ситуацию учел и прямо указал, что положения ст. 167 (о реституции) в данном случае применению не подлежат²⁶, из чего следует, что сам договор купли-продажи чужой вещи является действительным, по крайней мере, в отношении сторон сделки (продавца и покупателя).

Третья проблема — невозможность отграничения сделок, нарушающих требования закона, от сделок, посягающих на публичные интересы или права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Очень многие сделки, нарушающие требования закона, могут нарушать права и законные интересы третьих лиц или публичные интересы. Более того, можно с уверенностью утверждать, что *едва ли не все сделки, нарушающие требования закона, посягают либо на публичные интересы, либо на права и законные интересы третьих, а иногда на то и на другое одновременно*. Это не удивительно, ибо любое требование закона обычно и устанавливается, чтобы защитить публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Нарушение такого требования всегда будет означать посягательство на публичные интересы или интересы третьих лиц. Например, сделки, совершенные с нарушением преимущественного права, нарушают одновременно запрет, установленный законом (публичный интерес), и преимущественное право третьего лица; сделки, запрещенные законом о защите конкуренции, нарушают и права третьих лиц (конкурентов и потребителей), и публичные интересы (конституционный запрет монополизации рынка). Как верно отмечается в литературе, предусмотренная ст. 168 ГК РФ «презумпция оспоримости сделки в отношении сделок, совершенных с нарушением антимонопольного законодательства, распадается абсолютно. Практически любое нарушение антимонопольного законодательства будет либо противоречить публичному порядку, либо ущемлять чьи-то права»²⁷.

В результате «грань между противоречащими закону ничтожными и оспоримыми сделками стала менее определенной. Причем не только в силу сложного для толкования понятия публичных интересов, но и потому, что в целом идентичные по своим условиям сделки могут быть признаны, как следует из буквального текста закона, в одном случае оспоримыми, а в другом — ничтожными, если будет установлено нарушение охраняемых прав и интересов третьих лиц»²⁸.

Не нарушают публичные интересы или права и законные интересы третьих лиц лишь некоторые традиционно оспоримые сделки (недействительность которых связана

²⁶ См.: п. 83 Постановления Пленума Верховного Суда от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; см. также Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда от 17.03.2015 № 306-ЭС14-929; Тузов Д.О. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2015 № 306-ЭС14-929 // Вестник экономического правосудия. 2015. № 4. С. 4–9.

²⁷ Борзило Е.Ю. Вопросы недействительности сделок, совершенных с нарушением антимонопольного законодательства // СПС КонсультантПлюс.

²⁸ Старцева Ю.В. Общие положения недействительности сделок в свете разъяснений Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2015. № 10 // СПС КонсультантПлюс.

с пороками формы, несоответствием воли и волеизъявления, а также с недостатками правосубъектности). Поэтому, *несмотря на формальную презумпцию оспоримости любой противозаконной сделки, в ГК РФ фактически действует презумпция ничтожности любой сделки, нарушающей закон*²⁹.

Таким образом, следовало бы установить, что *ничтожная сделка — это сделка, нарушающая выраженные в законе запреты, последствием нарушения которых прямо установлена ничтожность либо целью которых является поражение нарушающих их сделок ничтожностью*³⁰. Все остальные «ничтожные» сделки, нарушающие публичные и частные интересы или интересы третьих лиц, следовало бы относить к оспоримым, и тогда презумпция оспоримости имела бы смысл. При этом для установления ничтожности должно быть совершенно не важно, в чьих интересах запрет установлен — в интересах стороны сделки, третьего лица или в публичных интересах. Важным должно быть только одно: имел ли законодатель в виду поражение сделки (или ее части) гражданской ничтожностью в случае нарушения такого запрета или нет.

Критерий нарушенного интереса здесь не играет роли, ведь поражение сделки действительностью имеет значение для частного права, для которого абсолютно не значимо, какую императивную норму (охраняющую публичный или частный интерес) нарушает сделка. Главное — рассматривает ли закон нарушение данной нормы как достаточное основание ничтожности сделки в частных отношениях или нет. Более того, можно сказать, что в политико-правовом плане, по общему правилу, как раз нарушение сделкой публичных интересов должно влечь не гражданско-правовую недействительность сделки, а иные, публично-правовые санкции (уголовные, административные и т.п.)³¹. И, наоборот, нарушение императивных норм, охраняющих частный интерес сторон сделки или третьих лиц, должно влечь недействительность сделки.

Вопрос лишь в том, как идентифицировать те нормы права, несоблюдение которых влечет по замыслу законодателя ничтожность всей сделки или отдельных ее условий. Оптимальным вариантом здесь является сочетание текстуальной ничтожности (т.е. прямое указание в законе о ничтожности сделки как последствии нарушения запрета) и «телеологической» ничтожности, но не в смысле характера нарушенного сделкой интереса (публичного, частного, третьих лиц), а в смысле выявления судами цели установления конкретного запрета: установлен ли запрет в целях поражения сделки ничтожностью при его нарушении или нет.

Четвертая проблема — включение злоупотребления правом в число оснований недействительности сделок. Действующий ГК РФ не называет злоупотребление правом в качестве основания признания сделки недействительной. Более того, последствием злоупотребления правом является отказ в защите соответствующего права (п. 2 ст. 10). Между тем арбитражная практика, руководствуясь соображениями практической це-

²⁹ Критическая оценка введения общего правила об оспоримости не соответствующих закону сделок дана в обстоятельной статье: *Карпатов А.Г., Тузов Д.О.* Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 14–67.

³⁰ Похожее регулирование см. в ст. 87 Закона Эстонии «Об Общей части Гражданского кодекса» (2002): «Сделка, противоречащая вытекающему из закона запрету, является ничтожной, если смыслом запрета является то, что нарушение запрета повлечет за собой ничтожность сделки, в первую очередь в случае, если законом установлено, что определенные последствия не должны наступить»

³¹ Можно здесь вспомнить процесс Аль Капоне, который оказался в тюрьме за неуплату налогов, а не за совершение незаконных сделок, действительность которых никем не оспаривалась.

лесообразности, уже давно рассматривает злоупотребление правом как основание недействительности сделки. Такой подход не вытекает из закона и вызывает большие сомнения³². Следуя одной логике, такие сделки всегда должны считаться ничтожными, так как они нарушают прямо установленный законом запрет злоупотреблять правом (п. 1 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ), а, следовательно, посягают на публичный интерес³³. Но, с другой стороны, всем очевидно, что само по себе злоупотребление правом — это крайне сложно определяемая категория, и объявлять такие сделки ничтожными крайне опасно. В связи с этим Верховный Суд России разъяснил, что «если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пункты 1 или 2 статьи 168 ГК РФ)», т.е. она может быть признана либо ничтожной, либо оспоримой. Однако вопросы квалификации таких сделок в качестве ничтожных или оспоримых по указанному основанию, безусловно, остаются.

Пятая проблема — расширение судебной практикой ничтожных сделок за счет сделок, не предусмотренных законом. Эта проблема связана с тем, что российская судебная практика пытается включить в круг ничтожных сделок и те, ничтожность которых из закона прямо не следует. Есть круг сделок, не нарушающих требований закона и не обладающих признаками ничтожных (они не указаны в законе как ничтожные, не посягают на публичные интересы и не затрагивают прав и законных интересов третьих лиц). Вся «противозаконность» таких сделок заключается по сути лишь в том, что они «не вписываются» в рамки тех видов сделок, которые предусмотрены законом.

Например, Верховный Суд России высказался о таких сделках следующим образом: «Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, *может быть* квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится указания на его ничтожность»³⁴. В качестве примера приводится ничтожность условия договора доверительного управления имуществом, устанавливающее, что по истечении срока договора переданное имущество переходит в собственность доверительного управляющего.

Однако условие договора доверительного управления о переходе права собственности на имущество к доверительному управляющему по истечении срока управления по своей конструкции мало чем отличается от условия договора аренды с выкупом о переходе права собственности на имущество к арендатору по истечении срока аренды. Вся разница между ними состоит лишь в том, что в аренде условие о выкупе прямо предусмотрено законом, а в доверительном управлении — нет. Безусловно, условие о выкупе в договоре аренды также противоречит существу законодательного регулирования аренды, но такое условие прямо предусмотрено законом в отличие от условия о переходе права собственности в доверительном управлении, которое законом не предусмотрено. И лишь на этом основании соответствующее условие в договоре доверительного управления объявляется ничтожным. Возникает вопрос, почему это условие

³² В научной литературе встречается крайне негативная оценка самой возможности признания злоупотребления правом одним из оснований недействительности сделок. См. например: Ванюкова Е.М. Может ли злоупотребление правом быть основанием для признания сделки недействительной? // Закон. 2013. № 6. С. 131–140.

³³ См.: п. 75 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

³⁴ Там же. П. 74.

должно становится ничтожным, если стороны так решили? Только потому, что такая возможность прямо не предусмотрена законом? Почему ничтожное условие договора лишь «может быть» признано недействительным, а не должно признаваться недействительным? По существу, речь идет о том, что противозаконными объявляются сделки, не предусмотренные законом, что вступает в явное противоречие с принципом свободы договора и грубо этот принцип нарушает.

Очевидно, что такой подход крайне опасен стабильности гражданского оборота и увеличивает риски признания различных сделок или их условий недействительными. Особенно это касается так называемых смешанных договоров, которые содержат элементы договоров различных видов, а также условия, не предусмотренные законодательством — всегда есть вероятность толкования таких договоров (или их отдельных условий) как противоречащих существу законодательного регулирования и риск признания их ничтожными в нарушение принципа свободы договора.

Неоправданное сохранение в ГК РФ деления сделок на ничтожные и оспоримые

ГК РФ сохраняет деление сделок на ничтожные и оспоримые, однако правовой режим этих сделок в настоящее время максимально сближен:

прямо допускается предъявление требований о признании недействительной ничтожной сделки, если лицо, заявляющее такое требование, имеет законный интерес в признании сделки недействительной (абз. 2 п. 3 ст. 166);

одинаково ограничен круг лиц, которые могут применять последствия недействительности ничтожных и оспоримых сделок: требования о признании недействительными оспоримых сделок и о применении последствий недействительности ничтожных сделок могут быть предъявлены одними и теми же лицами — стороной сделки или иным лицом, указанным в законе (абз. 1 п. 2 ст. 166, абз. 1 п. 3 ст. 166);

запрещено требовать признания недействительным предпринимательского договора (и ничтожного, и оспоримого) для стороны, которая приняла исполнение по договору, а сама при этом не исполнила своих обязательств (п. 2 ст. 431.1);

введено правило «эстоппель» в отношении любой недействительной сделки (и ничтожной, и оспоримой) (п. 5 ст. 166);

введено правило о праве суда не применять последствий недействительности любой сделки, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности (п. 4 ст. 167);

исковая давность распространяется не только на требования о признании недействительной оспоримой сделки, но и на требования о признании недействительной ничтожной сделки (ст. 181).

Практически единственная существенная разница между оспоримыми и ничтожными сделками³⁵ в настоящее время сводится лишь к тому, что оспоримая сделка имеет «материальный» состав и может быть признана недействительной лишь в случае, если нарушает права и законные интересы лица, оспаривающего сделку, или третьего лица, в интересах которого она оспаривается (абз. 2 и 3 п. 2 ст. 166)³⁶. Ничтожная сделка имеет «формальный

³⁵ Если не считать разграничения ничтожных и оспоримых сделок по формальному критерию наличия или отсутствия необходимости судебного оспаривания (п. 1 ст. 166 ГК РФ).

³⁶ Или повлекла иные неблагоприятные последствия.

состав» и признается недействительной независимо от того, повлекла ли она негативные последствия в виде нарушения прав и законных интересов чьих-либо лиц. Таким нарушением признается сам факт совершения ничтожной сделки, посягающей на правопорядок в целом, общественный интерес и волю государства (или публичный порядок).

Ранее нами было предложено, что материальным критерием разграничения недействительных сделок на ничтожные и оспоримые является *нарушение оспоримой сделки воли определенного лица, а ничтожной сделкой — воли государства*. Отсюда вытекают и формальные признаки оспоримой сделки: она может быть оспорена только лицами, чья воля нарушена при совершении сделки, поскольку судить о нарушении воли могут только они. Поэтому вторым материальным критерием, который лежит в основе деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, являлся, с нашей точки зрения, указанный выше «материальный состав». Однако следует признать, что и этот критерий является спорным, поскольку существуют веские аргументы в пользу того, что и ничтожные сделки должны поражаться недействительностью лишь постольку, поскольку они также нарушают чьи-либо права и законные интересы (включая публичный интерес). «Материальный» критерий не выдерживает критики, поскольку признание любой сделки недействительной — это один из способов защиты гражданских прав, который может быть реализован только в результате их нарушения. Без нарушения права или законного интереса вообще не может быть речи о признании недействительной даже ничтожной сделки (поскольку она не нарушает чье-то право или законный интерес). Это подтверждается нормами процессуального законодательства. В соответствии с п. 1 ст. 11 ГК РФ суд осуществляет защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав. Согласно п. 1 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Аналогичная норма содержится в п. 1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). В соответствии с пп. 4 п. 2 ст. 131 ГПК РФ в исковом заявлении должно быть указано, в чем заключается нарушение или угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца. Поэтому недействительная сделка — это любая сделка, которая нарушает права и законные интересы³⁷.

Более того, о необходимости нарушения законных интересов истца, в том числе и ничтожной сделкой в настоящее время, по сути, говорит и ГК РФ. Так, согласно п. 3 ст. 166 «требование о признании действительной *ничтожной* сделки независимо от применения последствий ее недействительности может быть удовлетворено, если лицо, предъявляющее такое требование, *имеет охраняемый законом интерес в признании этой сделки недействительной*» (курсив мой. — О.Г.). Несмотря на редакционные отличия, по существу правила п. 3 (о ничтожных сделках) и п. 2 (об оспоримых сделках) ст. 166 одинаковы: в обоих случаях для признания сделки недействительной требуется нарушение охраняемого законом интереса истца.

Таким образом, ***смысл разграничения ничтожных и оспоримых сделок при сближении их правовых режимов во многом утрачен, однако пореформенный ГК РФ сохраняет это деление без каких-либо видимых практических потребностей.***

Вопрос о недействительности любой сделки попадает в правовую плоскость лишь тогда, когда возникает спор между участниками гражданских правоотношений. При отсутствии спора, когда никто не сомневается в действительности (или недействительно-

³⁷ См., напр.: *Артемов В.* Недействительность сделок и их последствия: отдельные аспекты // *Хозяйство и право.* 2002. № 9. С. 117, 120.

сти) заключенной сделки, нет никаких причин обсуждать эти вопросы. Лишь при наличии спора возникает правовая неопределенность в вопросе о действительности сделки, разрешить которую способен и полномочен только суд.

Вообще оставленное в ГК РФ (п. 1 ст. 166) разграничение ничтожных и оспоримых сделок в зависимости от необходимости судебного решения для признания сделки действительной абсолютно не учитывает, что суд осуществляет защиту любых прав и законных интересов, возникающих из любых правоотношений. Признание сделки действительной и применение последствий ее недействительности — это всего лишь один из способов судебной защиты нарушенных гражданских прав. Однако для других правоотношений никому в голову не приходит писать в законе, что, например, договор купли-продажи признается куплей-продажей в силу признания его таковым судом. Любое спорное правоотношение находит свое признание и подтверждение только в суде, однако это не является основанием для включения в законодательство оговорок о необходимости судебного признания того или иного правоотношения. Поэтому любая недействительная сделка, если она объективно существует, — это всегда «нечто» и юридический факт³⁸, и с этим «нечто» при наличии спора приходится считаться.

Любая совершенная сделка представляет собой выраженное вовне волеизъявление, направленное на возникновение гражданско-правовых последствий, объективно существует как правовое «нечто» и при отсутствии о том спора сторон *должна предполагаться действительной*, пока иное не будет установлено решением суда. Таким образом, нужно вести речь о *презумпции действительности любой совершенной сделки*. Данная презумпция прямо вытекает из общегражданской презумпции добросовестности и разумности любых действий участников гражданского оборота (п. 5 ст. 10 ГК РФ): совершая гражданско-правовую сделку, ее стороны предположительно действуют добросовестно и разумно, исходя из законности сделки и желая создать присущие данной сделке правовые последствия, полагаясь на ее действительность. Опровергнуть эту презумпцию возможно только при наличии спора в судебном порядке.

Даже если сделка нарушает закон или публичные интересы либо интересы третьих лиц, речь идет о *частноправовой сделке*, договоре. Государство вправе «вторгаться» в оспаривание этой сделки не иначе, как по инициативе лиц, чьи права и законные интересы нарушены (в том числе и по инициативе уполномоченных государственных органов). Как весьма точно отмечал Д.И. Мейер, «ничтожество поражает эти сделки только при соприкосновении их с общественной властью, а независимо от того они существуют точно так же, как и сделки законные, и нередко встречаются в действительности»³⁹.

Более того, и незаключенная (несостоявшаяся) сделка — это разновидность недействительной сделки постольку, поскольку она представляет собой «нечто», т.е. когда речь идет о том, что сделка фактически существует и подписана сторонами, но в силу несоблюдения обязательных требований к форме, условиям сделки и т.д. она юридически не состоялась, не вызывает юридических последствий, хотя кто-то (одна из сторон, например) ее рассматривает как совершенную и состоявшуюся⁴⁰. Если же сделка фактически не состоялась (т.е. ее нет в природе), то о ней можно вовсе не говорить. Те дел-

³⁸ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 250; Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 21; Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 67.

³⁹ Мейер Д.И. Русское гражданское право (репр. 1902 г.). М., 1997. Ч. 1. С. 179.

⁴⁰ См. напр.: Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967. С. 90–92.

ки, которые в реальности существуют, и относительно природы которых (действительность, недействительность, незаключенность) возникает спор, нуждаются в судебном признании, тем более, что последствия недействительности всегда применяются лишь в судебном порядке. Возможные опасения, что при таком подходе участники гражданского оборота и государственные органы всякий раз будут вынуждены обращаться в суд в целях оспаривания очевидно незаконных сделок вместо того, чтобы не считаться с ними как с ничтожными, совершенно беспочвенны.

Во-первых, для некоторых, особенно важных с точки зрения правопорядка сделок (например, с недвижимостью) можно устанавливать требование о необходимости их государственной регистрации и проверки законности сделки на стадии такой регистрации. При отсутствии регистрации сделка просто не будет считаться заключенной и вопроса об ее оспаривании не возникнет.

Во-вторых, если одна из сторон заключенной сделки считает ее недействительной, она в порядке самозащиты своих гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) может и без обращения в суд заявить другой стороне об этом и о нежелании ее исполнять⁴¹. Если другая сторона будет требовать через суд исполнения этой сделки, то заявляющая о недействительности сделки сторона может подать встречный иск о признании сделки недействительной. Так же и государственные органы даже при наличии презумпции действительности любой сделки не лишены фактической возможности не считаться с очевидно незаконными сделками, а при наличии соответствующего спора (например, при обжаловании соответствующих действий сторонами сделки) требовать судебного признания сделки недействительной⁴². Очевидно, что при таком подходе разграничение ничтожных и оспоримых сделок совершенно излишне.

Безусловно, в зависимости от серьезности того или иного нарушения закона и иных обстоятельств, сопровождающих совершение сделки, процесс признания сделки недействительной может иметь особенности. В одних случаях, когда нарушения имеют наиболее очевидный характер, признание сделки недействительной должно быть максимально упрощено, а в других случаях — затруднено. Однако по большому счету это не является причиной введения в законодательство деления всех сделок на категории ничтожных и оспоримых, или незаключенных (несостоявшихся), тем более, что жизнь гораздо многообразнее, и по степени сложности установления недействительности тех или иных сделок может быть множество градаций, которые выходят далеко за рамки их деления на «черное», «белое», или «серое» — ничтожных, оспоримых или несостоявшихся.

Поэтому сохранение в ГК РФ деления сделок на ничтожные и оспоримые — это лишнее практического смысла легальное закрепление схоластических рассуждений, особенно в той части, которая касается «действительности» оспоримой сделки до момента ее оспаривания и изначальной «недействительности» ничтожной сделки. Любая недействительная сделка недействительна с момента ее совершения, суд лишь устанавливает это и при наличии оснований ***опровергает презумпцию действительности любой сделки и устанавливает ее недействительность или подтверждает действительность сделки.***

⁴¹ Это актуально для всех составов недействительных сделок, в том числе для тех, которые сегодня считаются «оспоримыми»: например, нет никаких разумных причин исполнять сделку, заключенную под влиянием насилия или угрозы, или предъявлять в суд иск о признании ее недействительной.

⁴² Интересно, что никого не смущает фактическая возможность не исполнять вполне законную и действительную сделку, а при наличии спора — обращаться в суд с требованием о ее принудительном исполнении. В таких случаях окончательное решение о наличии долга и о принудительном исполнении (равно как и о наличии самой сделки и ее действительности) принимает только суд.

Негативные последствия, вызванные сохранением в ГК РФ деления сделок на ничтожные и оспоримые

Сохранение деления сделок на ничтожные и оспоримые помимо совершенно ненужных трудностей квалификации еще и приносит практический вред. Даже когда режимы этих сделок по новому законодательству абсолютно идентичны, судебная практика и юристы продолжают пытаться эти режимы разделить, что никак не согласуется с теми задачами, которые ставились при разработке и принятии новых норм ГК РФ.

Наглядный пример — ограничение круга лиц, которые могут предъявлять требование о применении последствий недействительности ничтожной и оспоримой сделок. Согласно пп. 2 и 3 ст. 166 ГК РФ и для ничтожных, и для оспоримых сделок такое требование может предъявить либо сторона сделки, либо лицо, указанное в законе. Тем самым, по мысли законодателя, исключена возможность заявлять требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки неограниченным кругом заинтересованных лиц, что дает повод надеяться на устранение конкуренции между реституцией и виндикацией в спорах собственника с лицом, владеющим вещью, перешедшей по цепочке недействительных сделок.

Однако действующий ГК РФ дает основание и для иного толкования, которое было поддержано Верховным Судом России. В частности, требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки по п. 1 ст. 166 вправе предъявить сторона сделки или иное лицо, указанное в законе. Но есть п. 2 ст. 168, по которому ничтожной является сделка, посягающая на права и законные интересы третьих лиц. Соответственно, это третье лицо может предъявлять требование о признании сделки ничтожной. Согласно абз. 2 п. 3 ст. 168, требование о признании недействительной *ничтожной* сделки независимо от применения последствий ее недействительности может быть удовлетворено, если лицо, предъявляющее такое требование, имеет охраняемый законом интерес в признании этой сделки недействительной. Как следствие, возможно предъявление и требований о применении последствий ничтожной сделки таким лицом.

Это подтвердил Верховный Суд Российской Федерации: «Исходя из системного толкования пункта 1 статьи 1, пункта 3 статьи 166 и пункта 2 статьи 168 ГК РФ иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности может также быть удовлетворен, если гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица и его защита возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки. [...] В исковом заявлении такого лица должно быть указано право (законный интерес), защита которого будет обеспечена в результате возврата каждой из сторон всего полученного по сделке. Отсутствие этого указания в исковом заявлении является основанием для оставления его без движения (статья 136 ГПК РФ, статья 128 АПК РФ)»⁴³.

⁴³ П. 78 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25. Например, в одном из дел признано возможным предъявление иска о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности лицом, которое являлось кредитором компании, продавшей долю в размере 100% в уставном капитале. См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2014 № 309-ЭС14-923 (включено в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015). [Электронный ресурс] : // URL: <http://www.vsr.ru/second.php> (дата обращения: 10.02.2017)

Существуют, однако, опасения, что данное разъяснение будет в полной мере использоваться для заявления требований о применении последствий ничтожной сделки произвольным кругом третьих лиц, не имеющих к сделке никакого отношения, в том числе собственником при предъявлении требований к последнему владельцу, у которого имущество оказалось в результате исполнения «цепочки» недействительных сделок, в том числе в обход правил о защите добросовестного приобретателя при виндикации⁴⁴. А также в обход постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой и В.М. Ширяева».

Перспективы отказа от деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые

Чтобы исключить указанные проблемы, следовало бы вообще отказаться от деления недействительных сделок на ничтожные, оспоримые, а также несостоявшиеся. Правовой режим оспаривания сделок следует дифференцировать в зависимости от особенностей состава тех или иных недействительных сделок. Деление сделок на ничтожные и оспоримые можно проводить только в доктрине, и разница между ними сводится лишь к тому, что круг субъектов, которые могут требовать признания ничтожных сделок недействительными, будет шире, чем для оспоримых сделок. Но и те, и другие должны признаваться недействительными только судом именно потому, что вопрос о недействительности всегда разрешается только посредством судебного спора. При этом у любого заинтересованного лица сохраняется возможность фактически игнорировать любую недействительную сделку без судебного решения в порядке самозащиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ).

Поэтому в отношении недействительных сделок в законе можно ничего не указывать о необходимости их признания таковыми судом, а нужно лишь установить, что любые сделки *могут быть* признаны недействительными, если они нарушают требования закона (явно выраженные в законе запреты) или по иным указанным в законе основаниям (имея в виду, что оспоримые сделки нарушают волю определенного лица). При этом ни для ничтожных, ни для оспоримых сделок не должно быть обязательного признания их недействительными, они именно *могут быть* признаны недействительными, а могут быть и оставлены в силе, если не нарушают ничьих прав и законных интересов. Это относится и к так называемым несостоявшимся сделкам. В России судебная практика давно исходит из того, что если несостоявшаяся сделка исполнена (например, в которой отсутствует условие о предмете договора), то считается, что стороны своим последующим поведением путем исполнения определили предмет сделки, и она «исцелилась»⁴⁵. Это может быть применено практически к любой недействительной сделке (и ничтожной, и оспоримой, и несостоявшейся⁴⁶).

⁴⁴ Данные опасения разделяются многими авторами. См., напр.: Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016. С. 135–136.

⁴⁵ См., напр.: п. 7 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.02. 2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁶ В настоящее время в ГК РФ установлен прямой запрет требовать признания договора незаключенным стороной, принявшей от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо

Судебное решение или подтверждает действительность *любой* сделки в случае отказа в иске о признании ее недействительной, или опровергает презумпцию действительности сделки путем установления ее недействительности в случае удовлетворения такого иска. В целом правовое регулирование ничтожных и оспоримых сделок должно быть абсолютно идентичным: они должны признаваться недействительными лишь в случае, если нарушают чьи-либо права и законные интересы (не важно, сторон сделки или третьих лиц либо публичные интересы).

В законодательстве должна действовать презумпция действительности любой сделки, вытекающая из презумпции добросовестности и разумности любых действий участников гражданского оборота. Опровергнуть эту презумпцию можно только в судебном порядке путем предъявления требования о признании сделки недействительной в связи с нарушением ею прав и охраняемых законом интересов (сторон сделки, публичных интересов или третьих лиц).

Фактические результаты реформы

В результате реформы гражданского законодательства количество судебных споров о признании сделок недействительными в России продолжает сокращаться. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество дел о признании договоров недействительными в системе арбитражных судов в 2014 г. составляло 11 316, в 2015 г. — 9 168 (из них 4 642 — в первом полугодии 2015 г.), а в первом полугодии 2016 г. — 3 864⁴⁷.

Сокращение количества судебных споров о признании договоров недействительными в арбитражных судах во многом связано с точечными поправками, которые затрудняют оспаривание сделок (пп. 2 и 5 ст. 166 ГК РФ), и особенно с нормой п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, согласно которой сторона, которая приняла от контрагента исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать признания договора недействительным.

Однако в целом рано говорить, что цели реформы достигнуты и правила оспаривания недействительных сделок, установленные в обновленном ГК РФ, способствуют стабильности гражданского оборота. Наоборот, сохранение деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, расширение возможностей признания недействительными ничтожных и оспоримых сделок, а также проблемы их квалификации, освещенные в настоящей статье, свидетельствуют лишь, что новые общие нормы о недействительности сделок содержат огромный негативный потенциал, использование которого недобросовестными лицами может подорвать стабильность гражданского оборота в еще большей степени, чем это было в дореформенный период. Судебная практика, пока имеющая тенденцию к укреплению силы сделок, может в любой момент измениться в зависимости от экономической конъюнктуры и политико-правовых соотношений, чему способствуют новые положения ГК РФ. В конечном итоге гражданский оборот в условиях действующих норм остается пока заложником свободного судебного усмотрения. Исправить сложившееся положение вещей способна только законода-

---

тельным образом подтвердившей действие договора, если с учетом конкретных обстоятельств такое требование будет противоречить принципу добросовестности (п. 3 ст. 432 ГК РФ).

⁴⁷ См. сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: [Электронный ресурс]: URL: // <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.02.2017)

тельная корректировка положений ГК РФ о недействительности сделок, направленная на отказ от нормативного деления их на ничтожные и оспоримые и установление презумпции действительности любой сделки.

Библиография

Артемов В. Недействительность сделок и их последствия: отдельные аспекты // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 114–120.

Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1997. 682 с.

Ванюкова Е.М. Может ли злоупотребление правом быть основанием для признания сделки недействительной? // Закон. 2013. № 6. С. 131–140.

Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.

Генкин Д.М. Относительная недействительность сделок // Юридический вестник. 1913–1914. Кн. VII–VIII. С. 215–250.

Ем В.С. О критериях ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 140–165.

Карапетов А.Г., Тузов Д.О. Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 14–67.

Мейер Д.И. Русское гражданское право (по изд. 1902 г.). Ч. 1. М.: Статут, 1997. 290 с.

Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. 247 с.

Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 171 с.

Райников А.С. Условия оспаривание сделки в контексте поправок в ГК РФ // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 116–141.

Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие и виды сделок. Недействительность сделок). М.: Статут, 2015. 176 с.

Старцева Ю.В. Общие положения недействительности сделок в свете разъяснений Верховного суда Российской Федерации / СПС КонсультантПлюс.

Тузов Д.О. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.03.2015 г. № 306-ЭС14-929 // Вестник экономического правосудия. 2015. № 4. С. 4–9.

Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. 311 с.

Division of Invalid Transactions into Null and Voidable in Civil Law: Ideas and Results of the Russian Civil Code Reform

Oleg V. Gutnikov

Deputy Head, Department of Civil Legislation and Procedure, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences. Address: 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russian Federation. E-mail: oleg_gutnikov@mail.ru

Abstract

As a result of the reform of the Russian Civil Code the rules on the invalidity of transactions were significantly changed. The new legal regulation does not fully reflect the ideas that were put forward in the development of the Concept of development of civil law. The article analyzes the main changes in the legal regulation of the invalidity of transactions and gives assessment of the results of the Civil Code reform. It concludes about inconsistency and incompleteness of the new rules, which, on the one hand,

bring together legal regimes of null and voidable transactions, and on the other retain their legal differentiation. Preserving division of invalid transactions into the null and voidable at unifying their legal regimes creates additional problems of their qualification and involves the expansion of opportunities for invalidation of transactions that are not consistent with the purposes of reform. The new common rules on invalidity of transactions contain a huge negative potential, the use of which by dishonest persons could undermine the stability of civil turnover even more than it was in the pre-reform period. In particular, the number of kinds of null transactions increased; too broadly interpreted concept of transactions which violate the public interest; the requirement to invalidate voidable transactions may declare any party to the transaction in connection with violation of any legal requirements, etc. The article proposes to refuse legal division of invalid transactions into the null and voidable. It is proposed to establish a single legal regime for all invalid transactions (null, voidable, failed ones), based on the presumption of the validity of any of the transaction resulting from the presumption of good faith and reasonableness of any actions of the participants of civil turnover. The presumption of the validity of any transaction can be rebutted only by a court. The legal regime of contesting transactions should be differentiated not by type of invalidity, but in accordance with the particular composition of certain invalid transactions.

Keywords

reform of the Civil Code; transactions; contracts; invalidity of transactions; nullity; voidability; public interest; presumption of the validity.

Citation: Gutnikov O.V. (2017) Division of Invalid Contractions into Null and Voidable in Civil Law: Ideas and Results of the Russian Civil Code Reform. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 2, pp. 48–67 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.48.67

References

- Artemov V. (2002) Nedeystvitel'nost' sdelok i ikh posledstviya: otdel'nyie aspekty [Invalidity of Transactions and their Effects: Some Aspects]. *Khozyaistvo i pravo*, no. 9, pp. 114–120.
- Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. (1997) *Dogovornoye pravo: Obschie polozheniya* [Contract Law: General Provisions]. Moscow: Statut, 682 p. (in Russian)
- Genkin D.M. (1913-1914) Otnositel'nayanedeystvitel'nost' sdelok [Relative Invalidity of Transactions] *Yuridicheskiy Vestnik*, vol. VII-VIII, pp. 215–250.
- Karapetov A.G., Tuzov D.O. (2016) Sdelki, sovershennyie v protivorechii s imperativnymi normami zakona, v kontekste novoi redactsii st. 168 GK RF [Transactions Made in Contravention of Mandatory Rules of Law in the Context of the New Version of the Article 168 of the Russian Federation Civil Code]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, no. 5, pp. 14–67.
- Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii (2009) [The Concept of Development of Civil Legislation of the Russian Federation]. Moscow: Statut, 160 p. (in Russian)
- Meyer D.I. (1997) *Russkoye grazhdanskoye pravo. Ch. 1* [Russian Civil Law. Part 1. Reprint]. Moscow: Statut, 290 p. (in Russian)
- Novitskiy I.B. (1954) *Sdelki. Iskovaya davnost'* [Transactions. Limitation of Actions]. Moscow: Gosyurizdat, 247 p. (in Russian)
- Raynikov A.S. (2015) Usloviyaosparivaniyasdelki v kontekstepopravok v GK RF [Conditions of Contesting of the Transaction in the Context of Amendments to the Civil Code]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, no. 2, pp. 116–141
- Shakhmatov V.P. (1967) *Sostavy protivopravnykh sdelok I obuslovlennyye imi posledstviya* [Compositions of Illegal Transactions and its Consequences]. Tomsk: University, 311 p. (in Russian)
- Sklovskiy K.I. (2015) *Sdelka i eyo deystviye. Kommentariy glavy 9 GK RF (Ponyatiye i vidy sdelok. Nedeystvitel'nost' sdelok)* [Transaction and its Effects. A Comment to Chapter 9 of the Civil Code (Concept and Types of Transactions. Invalidity of Transactions)]. Moscow: Statut, 176 p. (in Russian)
- Startseva Yu. V. (2014) *Obshniye polozheniya nedeystvitel'nosti sdelok v svete raz'yasneniy Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [General Provisions of Invalidity of Transactions in the Light of the Explanations of the Supreme Court of Russia]. SPS Konsul'tant Plyus

Tuzov D.O. (2015) Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam ot 17.03.2015 № 306-ES14-929 [Comment to Decision of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of 03.17.2015 №306-ES14-929]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya*, no. 4, pp. 4–9.

Vanyukova E.M. (2013) Mozhet li zloupotrebleniye pravom byt' osnovaniyem priznaniya sdelki nedeystvitel'noy? [Can the Abuse of the Right to be a Ground for Invalidation of the Transaction?] *Zakon*, no 6, pp. 131–140.

Vitryanskiy V.V. (2016) Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi [Reform of Russian Civil Law: Preliminary Results]. Moscow: Statut, 431 p. (in Russian)

Yem V.S. (2014) O kriteriyakh nichtozhnosti sdelok v noveyshem grazhdanskom zakonodatel'stve Ros-sii [Criteria for the Nullity of Transactions in the Recent Russian Civil Legislation]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, no. 6, pp. 140–165.